

**«ДРУГАЯ СТОРОНА» В НАСЛЕДСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА**

Аннотация: статья посвящена проблеме определения круга субъектов, с которыми наследодатель может заключить наследственный договор. Выявляются непоследовательность правовой регламентации нового института гражданского права в отношении возникновения правоспособности наследственного фонда еще при жизни наследодателя, отсутствие механизма для заключения наследственного договора среднестатистическим гражданином с иностранным государством или международной организацией и другое.

Ключевые слова: договор, наследственный договор, лица в договоре, юридическое лицо, наследственный фонд, государство, иностранное государство, иностранные граждане, Российская Федерация.

Annotation: the article is devoted to the problem of determining the range of subjects with which the testator can conclude an inheritance contract. The inconsistency of the legal regulation of the new institution of civil law regarding the emergence of the legal capacity of the hereditary fund during the life of the testator, the lack of a mechanism for concluding an inheritance contract by an average citizen with a foreign state or international organization, and more are revealed.

Key words: contract, inheritance contract, persons in the contract, legal entity, inheritance fund, state, foreign state, foreign citizens, Russian Federation.

Статья 1140.1 ГК РФ, закрепившая новую для российского права правовую конструкцию – наследственный договор, появилась в связи со вступлением в законную силу ФЗ от 19.07.2018 №217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

В качестве одного из существующих на данный момент упущений законодателя в сфере норм о наследственном договоре И.А. Белолюбов выделяет круг лиц, которые могут призываться к наследованию. Так он приходит к выводу, что статья 1116 ГК РФ должна быть дополнена пунктом 3 со следующим содержанием: «К наследованию по наследственному договору могут призываться физические лица» [1, с. 1110-1111].

В.Ю. Куликов обозначил, что вопрос о лицах – второй стороне договора является дискуссионным [2, с. 68]. С.С. Шевчук указывает, что указание законодателя на то, что наследственный договор может быть заключен «с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию» вызывает недоумение, поскольку наследственный договор не может быть отнесен к числу мелких бытовых сделок, то его участниками могут быть не «любые лица», а лица, являющиеся полностью дееспособными, в то время как лицами, которые могут призываться к наследованию, выступают, в том числе, недееспособные или малолетние наследники, и даже насчитурусы [3, с. 76].

Считаем, что мнения вышеперечисленных ученых обоснованы и должны быть приняты во внимание законодателем. Изменения в части субъектного состава контрагента наследственного договора способствует последовательности гражданского законодательства и устранят существование декларативных положений в этой его части.

Продолжая обсуждение заявленной проблемы, обозначим еще несколько ее аспектов.

Согласно пункту 1 статьи 1140.1, абзацу 2 и пункту 2 статьи 1116 ГК РФ наследодатель вправе заключить наследственный договор:

1) с юридическим лицом, существующим на день открытия наследства, в том числе с наследственным фондом, учрежденным во исполнение последней воли наследодателя, выраженной, в нашем случае, в наследственном договоре или на основании решения суда по требованию душеприказчика или выгодоприобретателя – согласно абзацу 2 пункта 1 статьи 123.20-8 ГК РФ.

Парадоксально то, что согласно пункту 1 статьи 123.20-8 ГК РФ наследственный фонд подлежит созданию после смерти гражданина – наследодателя, и каким образом наследодатель при своей жизни имеет возможность заключить наследственный договор с еще не правоспособным (пункт 3 статьи 49, пункт 1 статьи 123.20-8 ГК РФ) на тот момент субъектом – непонятно.

2) С Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием, которые по сути своей являются правовыми абстракциями [4, с. 42], которые участвуют в правоотношениях через своих представителей (должностных лиц), как, кстати говоря, и юридические лица (см. пункт 1 выше), действующие в данном случае через свои органы (пункт 1 статьи 53 ГК РФ).

В то же время пункт 7 статьи 1140.1 ГК РФ предусматривает, что наследственный договор должен быть подписан каждой из сторон наследственного договора и подлежит нотариальному удостоверению. Заключение наследственного договора через представителя не допускаются (пункт 3 статьи 1118 ГК РФ).

Думается, есть смысл сделать в статье 1140.1 ГК РФ оговорку о том, что в таких случаях данные субъекты могут действовать через представителя. Или как предлагает Н.Е. Сосипатрова, уточнить редакцию пункта 3 статьи 1118 ГК РФ, указав во втором предложении, что заключение наследственного договора наследодателем через представителя не допускается [5, с. 32].

3) С иностранными государствами и международными организациями.

На наш взгляд, данное положение вызывает целый ряд проблем:

а) обе группы этих субъектов действуют также через представителей (см. пункт 2 выше);

б) отношения между наследодателем – физическим лицом и данными субъектами – с другой стороны входят в поле действия международного частного права, согласно пункту 1 ПП ВС от 09.07.2019 №24, однако в ГК РФ (раздел VI, глава 68) содержится только одна статья о праве, подлежащему применению к отношениям по наследству (статья 1224 ГК РФ), где не отдается должного внимания наследственному договору даже путем указания на аналогию правового регулирования завещания, как и в международных договорах с участием РФ. При этом пункт 1 статьи 1118 ГК РФ содержит норму о субсидиарности норм о завещании в отношении наследственного договора.

К тому же после рассуждений В.Ю. Куликов о сохранении договорной природы для данной правовой конструкции [6, с. 67] справедливы предположения о том, что к данному виду отношений могут подлежать применению нормы международного договорного права. Однако в теории международного частного права, выделяя среди международных контрактов *контракты международного характера* и *международные коммерческие контракты*, И.В. Гетьман-Павлова подробно обозначает только виды последних [7, с. 153-154], что дает основание полагать о редкости, если не вообще о невозможности существования контрактов *международного характера*, в особенности если речь идет о наследственном договоре. Соответственно, международно-правовая практика не знает такого рода прецедентов;

в) мы разделяем позицию И.К. Селезнева, который отмечает, что правоотношения по договору государства с иностранной компанией или иностранным гражданином регулируются внутренним законодательством

государства – стороны в договоре, а не законодательством другого государства или международным правом, если в договоре не предусмотрено иное [8, с. 179]. Это прямо противоречит статье 1224 ГК РФ, где указано, что, при условии применения ее по аналогии, если наследодателем будет лицо, имеющее последнее место жительства в РФ, то к наследственному договору должно применяться российское законодательство, как и в случаях, если недвижимое имущество внесено в государственный реестр РФ;

г) если, по логике законодателя, иностранные государства и международные организации могут быть контрагентом в наследственном договоре, то почему лица без гражданства и иностранные граждане не включены в их перечень? Может законодатель подразумевал в данном случае прямое обращение к абзацу 4 пункта 1 статьи 2 ГК РФ, но данная позиция опять же не является последовательной: в этой статье ГК РФ указаны и субъекты, которые отдельно оговариваются в статье 1116 ГК РФ.

Таким образом, законодатель, вводя в ГК РФ правовую конструкцию наследственного договора, был непоследователен, что подтверждается масштабными разъяснениями Федеральной нотариальной палаты в «Методических рекомендациях по удостоверению завещаний и наследственных договоров» от 02.03.2021 г.

Использованные источники:

1. Белолобов И.А. Наследственный договор и договор ренты: соотношение и особенности правового регулирования //Молодёжь третьего тысячелетия. 2021. С. 1109-1114.
2. Куликов В.Ю. Особенности реализации принципа свободы договора в рамках заключения наследственного договора //Евразийская адвокатура. 2019. №. 4 (41). С. 66-69.

3. Шевчук С.С. Наследственный договор и его место в системе гражданско-правовых договоров //Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. №. 4. С. 73-78.
4. Мусатов Ф.В. Есть ли государство фингированное лицо? (к проблеме дееспособности государства) //Вопросы российской юстиции. 2016. №. 3. С. 39-46.
5. Сосипатрова Н.Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию //Lex russica. 2021. № 11 (180). С. 30-38.
6. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право в 3 т. Особенная часть: учебник для вузов /И.В. Гетьман-Павлова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. Т. 2. — 470 с.
7. Селезнев И.К. Особенности правового положения государства как участника частноправовых отношений //Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2014. №. 9 (131). С. 176-180.